

Л.В. Савинов

Пути и механизмы оптимизации этнополитики в Сибирском федеральном округе

Ключевые слова: этнополитика, этнополитические процессы, Сибирский федеральный округ.
Key words: ethnopolitics, ethnopolitical processes, Siberian federal district.

Глобальная трансформация политической системы России постсоветского периода явилась причиной многих социальных изменений, которые отразились как на характере акторов этнополитического взаимодействия, так и на концептуальном определении этих отношений.

При этом социально-политическая институциональная деконструкция, усложненная социальной аномией (по Э. Дюркгейму), привела к разрушению советской системы этнонациональной политики и актуализировала поиск новых по сути, содержанию и форме моделей решения проблемы. Однако эффективное корреспондирование теоретических подходов и политических практик все еще остается самостоятельной проблемой.

Анализ специфики этнополитического пространства Сибирского федерального округа (СФО), особенно в сравнении с другими регионами, позволяет нам сформулировать одно немаловажное, на наш взгляд, замечание. Суть его заключается в том, что несмотря на различия между регионами существует много общего, которое может и должно стать основой позитивного этнонационального развития в масштабах Федерации. «Порой мы слишком одержимы восстановлением некоей утраченной идеальной культурной нормы, которая на самом деле никогда не существовала, или же пытаемся установить культурные различия на групповом уровне, абсолютно игнорируя, презирая и отвергая гомогенность, которая, на самом деле, на порядок значительнее» [1, с. 347–348].

В этих условиях особую актуальность приобретает поиск и выработка новых путей и механизмов оптимизации этнополитических процессов именно на уровне крупных полиэтнических регионов, исторически обладающих относительной самодостаточностью в границах единого федеративного государства. Речь идет прежде всего о путях и механизмах оптимизации этнополитики и этнополитических процессов в СФО.

В силу того, что оптимизация этнополитических процессов в данном суперрегионе представляется сложной проблемой многоаспектного содержания, в качестве одного из основных путей ее решения мы предлагаем кардинальное изменение направленности вектора государственной этнополитики.

На федеральном уровне представляется возможным субсидиарная модель – политика точной адекватности, в рамках которой активная роль отводится прежде всего гражданскому обществу и его институтам. Однако за государством должны сохраниться нормативная, координирующая и контрольная функции. Функция же вертикальной интеграции российской этносистемы должна обеспечиваться единым духовно-идеологическим, политико-правовым, социально-экономическим пространством.

Фактически речь идет о модели распределенного управления этнополитическими процессами. При этом, во-первых, ставка должна делаться не столько на администрирование и руководство «сверху», сколько на сотрудничество в рамках единой структурно-функциональной зависимости. Во-вторых, управляющее воздействие должно синтезироваться на основе единой идеологии, формирующейся совместно, как в центре, так и в регионах. Еще раз подчеркнем, что приоритет решения локальных и региональных проблем необходимо передать на соответствующий уровень.

Субсидиарный принцип государственной этнополитики предполагает активную позицию гражданина и его включенность в неправительственные организации, институты гражданского общества. В этом случае требуется новая идеология и новая модель этнически детерминированных отношений между личностью, обществом и государством. Это важно потому, что этнические противоречия и этнические конфликты чаще всего произрастают из местных проблем, а их эскалация происходит из неспособности низовых властных структур решать эти проблемы, главным образом по причине ограниченности прав и скудости ресурсов.

Таким образом, на смену этнополитики равных результатов должна прийти этнополитика равных возможностей.

Базовым принципом субсидиарной этнополитики представляется также признание ценности федерализма. При этом важно признание того, что истинная федерация может быть сформирована только в условиях демократического политического режима. Однако сложившаяся в России «особая» модель федерализма не только не способствует развитию демократии в регионах, особенно в этносубъектах, но и создает благоприятные возможности для роста авторитаризма и этнократии на местах. Политическая ситуация во всех

республиках и автономных округах СФО, конечно, с различной долей, но подтверждает это.

В качестве приоритетного принципа мы предлагаем тезис о том, что в основе такой политики должны лежать ценности индивидуальной свободы, приоритетность прав человека и гражданина, принципы этнической толерантности и терпимости, мультикультурализма и уважения к языку, культуре и образу жизни всех этнических групп. Именно поэтому мировоззренческой основой этнополитики, на каком бы уровне она ни реализовывалась, должна стать идея равенства и свободы в их либеральной трактовке.

Вместе с этим мы осознаем тот факт, что демократизация как политический процесс не решает всех этнонациональных проблем. Она имеет как свои возможности, так и свои лимиты. Эти ограничения связаны, в частности, с тем, что при мажоритарной системе невозможно справедливое представительство интересов меньшинств, в том числе этнических. Существует и проблема соотношения универсальных по своему характеру прав человека и специфичных прав этнических меньшинств. Демократии также не снимают представлений о преимуществе доминирующего этноса или, наоборот, малой этнической группы. Открытость общества, в свою очередь, ведет к усилению миграционных потоков, усложняющих этническую картину и межкультурный кросс-контакт.

Следующим базовым принципом этнонациональной политики должен стать тезис о том, что высокий уровень этнической толерантности и межэтнического согласия возможен только при совпадении базовых экономических, политических, социальных, культурных и иных ценностей этнических большинства и меньшинств и согласовании основных кодов гражданской идентичности.

Например, поддерживаемая большей частью россиян (вне этнической составляющей) идеология возрождения России как супердержавы в форме национальной идеи может стать фактором консолидации общества, в том числе и в этнополитической сфере. При этом очень важно добиться того, чтобы меньшинства в рамках высокого уровня этнической идентификации не чувствовали никакой уничижительной стигматизации со стороны доминирующих этносов. Данное утверждение должно быть доминантным и в обратной интерпретации. Это особенно важно для полиэтничных регионов и территорий. По большому счету речь идет о признании необходимости национальной (гражданской) идеи, сопряженной с полиэтничным характером российского общества.

В качестве другого не менее важного принципа предлагается требование возможности и необходимости совпадения основных экономических и социальных стратификационных единиц в горизонтальной этносоциальной структуре. Другими словами, необходимо стремиться к тому, чтобы социальная страти-

фикация этнических групп – по доходам, престижу, власти, доступа к тем или иным социальным благам и ценностям – была близка к социальной стратификации соседних этнических групп, а в идеале совпадала с общенациональной социальной структурой. Поэтому необходимо правовое закрепление на федеральном уровне минимальных социальных стандартов для регионов Российской Федерации.

В этой связи наиболее спорным остается вопрос о предпочтениях для этнонациональных меньшинств. Совершенно очевидно, что ответ на него неоднозначен. Поэтому приведем лишь позицию известного американского политолога М. Липсета, с которой мы во многом согласны. «Чтобы восстановить национальный консенсус по гражданским правам и расовой справедливости, аффирмативные действия следует перефокусировать, а не выбрасывать из-за ненужности. Уход от политики, делающей упор на особые предпочтения, не может и не должен означать отказ от обязательства нации по гарантированию равных возможностей для “ущемленных” граждан» [2, p. 149–150].

Таким образом, представляется, что этнополитическое согласие на разных уровнях может быть достигнуто при обязательном наличии следующих условий. Во-первых, этнофор как индивид и этнос (этническая группа) как общность с собственными идентичностями должны прийти к согласию со своим окружением – этномиром, пронизанным функциональными связями с множеством иных этнофоров и этносов. И, во-вторых, необходимо преодолеть внутренний и внешний конфликты идентичности и детерминированности в рамках российской государственности как суперсложной этносистемы.

Однако мы понимаем, что в современных условиях выполнение предложенных требований осложняется тем, что многие российские этнические окраины в своем большинстве до сих пор являются немодернизированными (традиционными) социальными системами. И потому противоречия этнического характера осложняются конфликтом идентичностей традиционного и современного или даже постмодерного общества в рамках единого социума.

По большому счету в этих специфических условиях этнополитика государства должна стать инструментом по преодолению этнополитических противоречий, связанных с модернизационными и мобилизационными процессами – эффективная этнополитика призвана снимать противоречия между стремлениями этнических групп к самоорганизации и развитию, с одной стороны, и разными уровнями политической, социально-экономической и культурной мобилизации – с другой. В связи с этим необходимо различать идеологический интернационализм (интерэтнизм) сверху и рациональный интернационализм снизу. Потому и актуальна проблема сочетания и баланса приоритетов, определения возможностей и

ограничений тех или иных теоретико-идеологических подходов и политических практик в решении так называемого национального вопроса.

Как известно, основным политико-правовым документом, определяющим позицию государства в этнополитической сфере, является Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [3, с. 5]. Среди принципов государственной национальной политики особое значение для нас имеют такие, как равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности и языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям; запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности; своевременное и мирное разрешение противоречий и конфликтов; запрещение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды и т.п.

В силу вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что современная этнополитика должна быть в первую очередь гражданской, т.е. должна способствовать формированию гражданской нации – россиян, и развитию межэтнического согласия и гармонии на принципах мультикультурализма и интерэтнизма. Речь идет прежде всего о формировании на государственном уровне новой национальной общегражданской идентичности и новой формы конструктивной неконфликтной мобилизации этничности.

В связи с этим необходимо признать бесперспективность этнополитики, построенной на принципах традиционного этнического подхода к пониманию целей, задач и методов такой политики. Такая политика способствует как дальнейшему увеличению дистанции между современной цивилизацией и миноритарными этносами окраин, в то время как эта дистанция должна уменьшаться, так и нарастанию ценностных конфликтов с единой нацией, т.е. с российским народом, фиксированием этногрупп на эгоистических узкоэтнических интересах.

Анализ этнополитического пространства СФО показывает, что достижение и поддержание региональной стабильности в этнополитической сфере является проблемой не только политико-доктринального, но и инструментального характера. Фактически речь идет об ответах на вопросы о факторах и механизмах политизации этничности, динамики и статике ее мобилизационных форм. Ведь внимание экспертов никогда не было сосредоточено на этнических идентичностях или этнокультурных ценностях самих по себе, но всегда на их возможной (хотя никогда не неизбежной) политизации в форме социальных проблем и конфликтов, требующих политического согласования и урегулирования, без чего они переходят в насилие.

В этой связи представляется актуальной позиция, согласно которой в полиэтничных обществах, когда в социальное соперничество вовлекаются культурные, религиозные и другие различия, стратегия управления должна строиться не на подавлении различий или на исключении и «разводе» конфликтующих коалиций, а на взаимовыгодных формулах сотрудничества, справедливом разделе власти и ресурсов, культурной терпимости к иному. При этом это есть задача главным образом для элит, ибо они, а не «массы» склонны и способны вызывать вражду, вовлекать народы в насильственные действия с разрушительными для них последствиями [4, с. 174].

Конечно, решение проблем взаимоотношений между этносами всегда предполагает выбор той или иной политико-идеологической и культурной стратегии. В качестве таких стратегий можно выделить идеологию интернационализма, концепцию американского «плавильного котла», идею мультикультурализма (культурного плюрализма), модель канадской «этнической мозаики» и др.

Анализ западных моделей решения этнонациональной проблематики свидетельствует о том, что господствующими в теоретической мысли и общественной практике являются концепции культурного и этнического плюрализма и толерантности. Концепция культурного плюрализма появилась в 20-е гг. XX в. и была связана с именем профессора философии и психологии Гарвардского университета Г. Каллена. Именно ему принадлежит заслуга в обосновании теории и необходимости ее принятия в качестве модели национального развития США. Впервые термин «культурный плюрализм» Г. Каллен использовал во введении к сборнику «Культура и демократия в Соединенных Штатах», опубликованном в 1934 г., где была сделана попытка выдвижения демократической альтернативы принудительной ассимиляции, выражен протест против разрушения этнонациональных культур. Возможности сохранения идентичности ученый связывал с устойчивостью традиций культуры, которую иммигранты привозили с собой.

Приоритет указанных выше концепций, по оценкам авторитетных экспертов, объясняется тем, что они наиболее приемлемы для интерпретации современной ситуации в межэтнических отношениях и взаимодействии. Предоставление меньшинствам льгот для преодоления неравенства в различных социальных сферах в рамках этих концепций, например программы «позитивных действий» в США, способствовало в той или иной мере преодолению межэтнической напряженности и остроты. Программа «позитивных действий» была инициирована и объявлена президентом Л. Джонсоном в 1968 г. как ответ на всплеск «черного» движения в США. Программа, по нашему мнению, была во многом инструментальной по своему содержанию. Характерно, что о необходимости

и оправданности политики «позитивных действий», направленной на устранение последствий расовой дискриминации при приеме на работу или на учебу, а также предотвращение такой дискриминации, до сих пор идут ожесточенные споры. Так, известный американский консерватор П. Бьюккенен в работе «Смерть Запада» резко негативно оценивает как саму концепцию, так и в первую очередь результаты политики «позитивных действий» [5, с. 282–287].

Однако проблема оптимизации этнополитических процессов в России не может быть решена без выработки и пропаганды новых форм толерантности между этническими и культурными группами как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. При этом мультикультурализм как идеология и практика социального согласия и межэтнической толерантности в специфических условиях российской действительности представляется одним из приоритетных направлений достижения межэтнической гармонии.

В самом общем виде мультикультурализм определяется как особая форма интегративной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного существования различных форм культурной жизни. Ее важным элементом является принцип социального равенства, или недискриминации. Центральной в мультикультурализме является идея гармоничного взаимодействия различных этнических и культурных групп населения.

Формирование и развитие толерантности в этнополитической сфере невозможно и без формирования соответствующей политической культуры как центрального звена в системе ценностных ориентиров индивидуального и группового социального актора. Ведь именно в этнополитической сфере идеология есть во многом трансформация мифов этнических и мифы политические.

На основе представленной выше концептуальной модели решения этнонационального вопроса попытаемся определить основные направления и механизмы оптимизации этнополитики и этнополитических процессов в СФО.

Сама деятельность по оптимизации этнонациональных отношений и этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе должна осуществляться не столько в сфере функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, сколько в сфере деятельности институтов и организаций гражданского общества. Этнополитика в первую очередь должна быть интегрирована с такими важнейшими социальными институтами, как образование, искусство, спорт, СМИ, наука и т. д.

Представляется, что эффективное управление общественными отношениями в этнополитической сфере должно строиться как минимум на двух важ-

нейших принципах. В основе первого из них лежат обособленность, неравенство, соподчиненность социальных субъектов, т.е. жесткое государственное регулирование. Поэтому его использование связано с внешним управлением, когда источник регулирования отделен от объекта, по существу выражается в навязывании чужой воли определенному должностному, принуждению к исполнению обязанностей. Средствами осуществления этого метода социального регулирования межэтнических отношений можно считать закон, концепцию, директиву, решение суда, т.е. властное веление, адресованное от одних другим. Его можно назвать авторитарным, императивным, административным, централистским.

Второй метод – либеральный, диспозитивный, гражданско-правовой, автономный – должен базироваться на равенстве, самостоятельности, естественной взаимозависимости людей и связан с использованием различных форм координации и саморегулирования, автономии и кооперации, базисом которых выступает добровольное соглашение. Принципиальная особенность этого подхода заключается в том, что обязанности не возлагаются на индивида или группу извне, а принимаются на себя его собственным волеизъявлением. Иначе говоря, здесь имеет место не внешнее управление, а саморегулирование, источник которого не отделен от его объекта, так что каждый участник общественных отношений выступает соавтором правил, по которым оно осуществляется. Здесь значительна роль самого общества и гражданских институтов. И, прежде всего, средств массовых коммуникаций, которые в условиях информационного общества в полиэтничных государствах становятся наиболее эффективным и действенным инструментом социализации личности и управления общественным сознанием, а в условиях российской политической действительности во многом и инструментом манипуляции индивидуальным и групповым поведением.

Соотношение применения указанных методов, их удельный вес в социальном регулировании зависят от многообразных конкретно-исторических факторов и, в свою очередь, определяют тип нормативного порядка и характер политического режима. Но само их существование и противоборство закономерно обусловлено диалектикой двух фундаментальных начал общественной жизни – власти и свободы. Следовательно, проблема содержания этнополитики на региональном уровне заключается в проблеме соотношения государственного (властного) и гражданского (альтернативного).

Данное соотношение, реализованное в некоторых базовых позициях, видится нам в следующем.

В сфере государственной власти и местного самоуправления этнополитика должна осуществляться в рамках, во-первых, представительной (законодательной) системы – соблюдение международных правовых

актов и деклараций, а также разработка и принятие региональных законов, нормативных актов органов местного самоуправления в области межэтнических отношений.

Во-вторых, исполнительной системы – соблюдение на всех уровнях власти интересов различных этнических групп, утверждение общегражданской национальной и региональной идеологии и символики и демонстрация полиэтничной и поликультурной природы Российской Федерации, формирование и ротация кадров органов государственного и муниципального управления с учетом этнического фактора, специальная подготовка государственных и муниципальных служащих в сфере межэтнических отношений.

В-третьих, судебной системы – обеспечение конституционных прав и норм, гарантирующих равенство граждан независимо от расовой, этнической, языковой, религиозной и иной принадлежности, судебное преследование и наказание лиц и организаций, проповедующих и транслирующих нетерпимость и насилие или осуществляющих экстремистские акции по этническому и религиозному признаку.

Особо отметим, что этнополитика органов власти должна всегда быть в сфере особого и пристального контроля и институтов гражданского общества.

С учетом исторических и социокультурных особенностей региона основные направления работы органов государственной власти и местного самоуправления в СФО в реализации этнонациональной политики должны предполагать как создание в структуре органов власти и управления подразделений, занимающихся проблемами межэтнических отношений и этнокультурного развития, так и сотрудничество с этнонациональными и этнорелигиозными организациями и объединениями, а также уважение к этнонациональным традициям и обычаям народов в процессах принятия управленческих решений.

Наиболее мощным рычагом в регулировании межэтнических отношений в многосоставных обществах является механизм избирательной системы. Однако обычная мажоритарная система выборов в Российской Федерации работает плохо и, более того, создает очень серьезные проблемы в этой сфере. Поэтому возможности и ограничения мажоритарной и пропорциональной систем в полиэтничных регионах требуют дополнительного осмысления и анализа.

Решение проблемы реального, а не номинального представительства интересов миноритарных этносов видится в усилении роли федеральных и региональных политических партий, в более четком определении ими собственной идеологии этнополитики. Поэтому переход в регионах на пропорциональную избирательную систему является актуальным и необходимым.

Вместе с тем мировая политическая теория и практика знают и другие примеры эффективных моделей, позволяющих максимально полно учесть интересы

различных меньшинств. Например, в Ирландии с 1921 г. действует система единственного передаваемого голоса в случае проведения дополнительных выборов в парламент и для избрания президента страны. Здесь, как и при голосовании по ординальным (альтернативным) бюллетеням, избиратели определяют рейтинг каждого кандидата. Отличие заключается в том, что применяется эта система в многомандатных округах и считается одной из самых демократичных. Э. Лейкман и Д. Ламберт указывают на следующие преимущества данной системы. Первое – избранный орган отражает, с отклонением в несколько процентов, степень влияния политических партий или других общественных группировок среди избирателей. Второе – любая партия или другая группа, собрав большинство голосов, получит большинство мест. Третье – элемент азарта исключен. Четвертое – избирателю предоставляется возможность выбирать кандидатов, руководствуясь как их личными качествами, так и партийной принадлежностью. В условиях полиэтничного государства данная система способна обеспечить представительство интересов некомпактно проживающих этнических меньшинств.

В Сибирском федеральном округе остается проблемным и правовое регулирование этнополитики и этнополитических процессов. Здесь все еще нет концепции и программы региональной этнополитики, которая бы учитывала наши особенности и включала в себя базовые нормы федерального законодательства.

Важно подчеркнуть, что субъектами такого права должны выступать только индивиды, реализующие свое право на свободу этнической идентификации и защиты своих интересов в этнокультурной сфере, и только ассоциированные группы по этническому признаку, т.е. не этнические группы и этносы. При этом права ассоциаций должны исчерпываться индивидуальными правами ее учредителей. Никаких дополнительных прав к правам личности группа, ассоциированная по этническому признаку, иметь не должна.

Национально-культурную автономию необходимо рассматривать как немаловажное дополнение к существующей модели государственного устройства, которая, кстати, само по себе является институтом гражданского общества, а не государственным институтом. Поэтому всякое противопоставление национально-культурной автономии существующим в России этносубъектам, не только некорректно, но и политически опасно.

Институт национально-культурной автономии необходим, чтобы способствовать реализации запросов и прав граждан, проистекающих из их этнокультурной принадлежности, независимо от территории проживания. Такая форма существует во многих странах мира, и в значительной мере на ней основаны все международно-правовые акты о защите прав мень-

шинств. Суть национально-культурной автономии заключается в многообразных и разноуровневых формах организации и деятельности граждан, объединившихся в целях сохранения групповой целостности и культурной отличительности, и в разнообразной и разноуровневой поддержке такой деятельности со стороны органов государственной власти. Однако это не исключает каких-то форм общероссийской коалиции, представляющих интересы организаций национально-культурной автономии, в том числе Ассамблеи народов России с правом законодательной инициативы. Но принципы формирования такой коалиции и формы представительства нужно продумать, чтобы многочисленные национально-культурные ассоциации не бросились в погоню за исключительным представительством на региональном и федеральном уровнях.

Вышесказанное, тем не менее, не отрицает поиска новых принципов и форм федерализации и автономизации на путях демократического и гуманистического обновления российского общества и государства. Однако этот вопрос является самостоятельной и трудноразрешимой как научной, так и политико-правовой проблемой, требующей отдельного изучения.

Особо подчеркнем, что управление этнонациональными процессами – основное средство осуществления этнополитики. Оно представляет собой специфический вид деятельности не только государства, но и институтов гражданского общества, направленное на планомерное и сознательное воздействие на развитие межэтнических отношений.

Итак, на основе вышеприведенных концептуальных представлений о путях и механизмах оптимизации этнополитики и этнополитических процессов в СФО попытаемся представить основные позиции в ключевых, на наш взгляд, сферах этнополитики.

Представляется, что *в сфере коммуникативных технологий и СМИ* необходимо, во-первых, увеличение количества в информационных и специальных программах регионального и местного телевидения новостных и тематических программ и сюжетов для более адекватного и полного отражения полиэтничной и поликультурной специфики СФО и ее территорий, проблем межэтнического и межконфессионального взаимодействия и диалога. Во-вторых, важно проведение мониторинга, анализа и экспертизы СМИ и полиграфической продукции с целью выявления публикаций и программ, проповедующих расовую, этническую, религиозную и иную нетерпимость и призывающих к этноэкстремизму и насилию. И, наконец, отдельной проблемой является включение в программу подготовки и переподготовки специалистов в области массовых коммуникаций курсов о культуре, традициях и образе жизни различных этносов, о правилах освещения этнических и религиозных тем и принципах формирования этнотолерантного массового сознания и поведения.

Актуальным остается использование в реализации этнополитики «мягких» социальных технологий, в том числе технологий связей с общественностью. PR-технологии в системе этнополитики – это совокупность методов, подходов, механизмов и инструментария, необходимых для создания социально-политико-психологической среды, благоприятной для коэволюции и соразвития всех элементов этносистемы, достижения высокого уровня национальной терпимости и толерантности, а также поддержания межнационального мира и согласия в обществе посредством эффективного управления общественными отношениями.

В сфере межэтнических отношений представляется необходимым применение следующих элементов (методов) связей с общественностью: посреднические технологии – получение поддержки и одобрения со стороны этнонациональных групп и общества в целом, создание позитивного образа, сведение к минимуму негативных и деструктивных реакций; управленческие технологии – набор техник и мероприятий по принятию, продвижению, реализации и сопровождению политических решений в области национальной политики; коммуникативные технологии – элементы связей с общественностью, позволяющие достичь высокого уровня межнационального, межкультурного, межконфессионального, межгруппового и межличностного отношений в полиэтничном обществе; антикризисные технологии – антикризисные мероприятия и урегулирование межнациональных и межконфессиональных конфликтов; адаптационные технологии – система мероприятий, направленная на воспитание национального сознания представителей разных этносов в духе интернационализма; медиа-технологии – технологии связей со средствами массовой информации, предназначенные для продвижения идей межнациональной терпимости, толерантности и комплиментарности.

Использование технологий связей с общественностью в этнополитике, кроме этнических, необходимо учитывать и другие особенности социальных групп – адресатов, на которых они направлены: конфессиональные, социокультурные, психологические, ментальные и др. Речь идет о принципе дифференцированного подхода и учете различий. Только тогда гибкие и универсальные PR-технологии будут содействовать установлению благоприятного социального фона для развития всех этнических групп.

Также необходимо подчеркнуть важность постоянного содержательного анализа коммуникативных аспектов деятельности региональных и местных СМИ, освещающих этнические аспекты. Необходимо в рамках правового поля критически рассматривать этнополитическую направленность информации, ее толерантный или интолерантный характер, формы и методы ее трансляции в массовое сознание.

В духовной (культурной) сфере важны не столько финансовая и материальная поддержка этнонациональных и иных культурных учреждений и организаций, развитие программ поддержки этнонациональных культурных и спортивных мероприятий и праздников, сколько понимание важности формирования межкультурной гармонии и гражданского согласия и мира, воспитания у граждан осознания этнического многообразия нашего общества.

Представляется, что включение в региональные стандарты образования учебных программ по этнологии и религиоведению позволит качественно изменить духовно-нравственное воспитание молодежи, что, в свою очередь, приведет к оптимизации межэтнических отношений и повышению толерантности и терпимости в обществе. Достижению поставленной цели будет способствовать и устранение из образовательных программ этноцентристских версий истории, культуры, экономики и политики, а также недопущение и пресечение всякой деятельности националистических и неонацистских групп и организаций, а также тоталитарных религиозных сект.

Подчеркнем, что сегодня проблема этнической толерантности настолько актуальна и глобальна, что ЮНЕСКО работает над разъяснением философии мира между народами, уважения всех этносов и этнических групп. Особое внимание уделяется проблемам терпимости, плюрализма и культурного мира.

В сфере деятельности институтов гражданского общества предлагается усиление политико-идеологической роли политических партий и общественных организаций регионального и территориальных уровней по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений и расширение деятельности конфессиональных структур среди населения по пропаганде общечеловеческих ценностей, продвижению идей гражданского согласия и мира.

Вообще проблема включенности институтов гражданского общества в систему этнополитических отношений и, что особенно важно, их включенности в целевые и процессуальные аспекты формирования и реализации этнополитики на самых разных уровнях все еще остается нерешенной.

В этой связи еще раз подчеркнем, что гражданское общество появляется в результате успеха реализации политического проекта по созданию и формированию гражданской нации, политической по своей природе. При этом гражданская нация несколько не ущемляет интересов этнических групп и общностей, поскольку дает возможность на реализацию прав личности независимо от этнической, религиозной или иной принадлежности.

Именно поэтому механизмы реализации этнодетерминированных прав личности и реализации их интересов по сохранению и развитию языка, культуры, образа жизни, религии и родобного видятся прежде

всего в рамках третьего сектора. Именно в границах неполитических организаций и движений представляется неконфликтная форма аккумуляции, артикуляции и продвижения прав этнофоров и их ассоциаций. И здесь значима роль таких институтов как образование, наука, искусство, СМИ и других, формирующих ценностно-символическое пространство.

Особую значимость в условиях российской действительности приобретает деятельность церквей и религиозных организаций. Вместе с тем, разностатусность религиозных организаций не позволяет в полной мере реализовать возможности этих структур.

И здесь представляется крайне необходимым учитывать все возможные элементы дискурса не только культур, но и политик. Потому столь значима роль политических партий и движений. Именно они на сегодняшний день остаются практически единственными, хотя и малоуспешными, трансляторами этнонациональных требований и интересов.

В сфере науки и прикладных исследований представляются значимыми не только научный анализ этнонациональных и этноконфессиональных проблем на основе мониторинга социально-экономических, политических и духовных процессов, но и поддержка академических, научно-исследовательских и учебных центров, деятельность которых направлена на исследование этнонациональных и в том числе этнополитических процессов. В этой связи возможно, например, создание Центра по мониторингу и анализу этнополитики и этнополитических процессов при Представительстве Президента РФ в СФО.

В условиях недостаточного финансирования научной сферы особую важность приобретает создание грантовых фондов корпоративных и общественных структур по поддержке исследований и образовательных программ в сфере межэтнического взаимодействия и коммуникаций. Нужны и целевая подготовка, и поддержка научных кадров в области региональной этнополитологии, этносоциологии, этнопсихологии, этноконфликтологии и т. д.

Одним словом, необходима отлаженная система мониторинга и анализа этнополитики и этнополитических процессов, своевременное исследование причин возникновения и эволюции этнополитической напряженности, составление прогнозных и сценарных моделей развития и выработки на этой основе рекомендаций для властных структур.

Итак, существование этносистем на любой стадии их развития предполагает социальное регулирование межэтнических отношений, которое состоит в выработке и обеспечении во всех сферах и на всех уровнях взаимодействия людей правил желательного, дозволенного, допускаемого, а также должного и требуемого поведения. Другими словами, необходима результативная государственная этнополитика, пронизывающая всю вертикаль государственного управ-

ления и регулирующие позиции и действия в этой области. Ведь этнополитика весьма чувствительна к контекстуальным основам межэтнических отношений. И здесь социокультурные, исторические, экономические и социально-политические различия являются наиболее значимыми факторами, определяющими в значительной степени не только актуальные, но и будущие этнополитические явления и процессы.

Именно поэтому предлагаемая многоуровневая модель субсидиарной этнополитики представляется наиболее адекватной и применимой в сегодняшних условиях. Она позволяет учитывать специфические особенности как на региональном, так и на территориальном и локальном уровнях.

В связи с этим важно сформулировать необходимые условия достижения региональной этнополитической стабильности. Во-первых, нужна более тесная экономическая интеграция на основе дифференциации общественного труда. Во-вторых, пристального внимания требуют параметры социальной интеграции – формирование доступной системы вертикальной и горизонтальной социальной мобильности и модели социального партнерства. В-третьих, особую актуальность приобретает политическая интеграция – сближение этнонациональных элит и групп интересов, обеспечение их взаимодействия, а также формирование и развитие политических институтов для координации этнополитических процессов. В-четвертых, крайне необходима ценностно-идеологическая интеграция – сближение базовых ценностей и идеологических приоритетов, воспитание культурной и религиозной

терпимости, формирование идей общероссийской гражданственности и общерегиональной идентичности. И, наконец, важна интеграция в сфере гражданских институтов – создание единой общероссийской системы предупреждения, предотвращения и урегулирования этнополитических конфликтов, усиление роли и повышение эффективности гражданских процедур по защите прав человека на свободное использование и развитие родного языка, культуры, традиций и обычаев, уклада жизни, отправления религиозных обрядов и т.д.

Представляется, что неперенным условием достижения межэтнической интеграции и гармоничного сосуществования (коэволюции) всех российских этносов является открытость, гласность, ясность, непротиворечивость и последовательность государственной этнополитики в ее региональных программах.

В заключение подчеркнем, что этнополитика в Сибирском федеральном округе, как и на общероссийском уровне, должна быть научно обоснованной – базирующейся на признанных достижениях современной науки, превентивной – нацеленной на предотвращение наиболее опасных этнополитических проблем, целостной – предусматривающей решение основных этнополитических проблем в рамках единой стратегии и идеологии, интегральной – гармонично включенной и адаптированной в общую модель политического, социально-экономического и этнокультурного развития и, наконец, адекватной – способной учитывать особенности разнообразия территорий и местных сообществ.

Библиографический список

1. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002.
2. Lipset, M. American Exceptionalism: A Double-Edged Sword / M. Lipset. – N.Y., 1996.
3. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Российская газета. – 1996. – 10 июля.
4. Тишков, В.А. Очерки теории и политики этничности / В.А. Тишков. – М., 1997.
5. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен. – М., 2003.